

Ариадна ЭЙЗЕНХАРТ

РАССКАЗЫ

ЧТЕНИЕ ВСЛУХ

С началом учебного года вернулась и главная напасть — чтение вслух. Еще первого сентября о нем снова заговорили. Надежда Петровна, наша классная руководительница, не упустила возможности пристально на меня посмотреть и даже немало прищуриться. В том году я еле вытянула эти «скоротченческие бега» на тройку. Стараешься пронестись по тексту галопом во весь опор, а получается неловкий шаг, временами переходящий в учебную рысь.

Я сидела, скрестив ноги под партой и мечтательно сложив руки, представляя, как удивлю всех на чтении. Как войду в класс к ребятам и объявлю, сколько слов прочла за минуту. Только вот я не сильно преуспела в чтении за летние каникулы. О том, чтобы делать это вслух, и речи быть не могло. Я стеснялась перед бабушкой, мамой и сестрой. Они-то читали куда быстрее! А тут я... По слогам!

Пробежалась глазами по одноклассникам. Надеюсь, что кто-то так же волнуется. Но у большинства был скучающий вид, некоторые зевали, остальные что-то шустро писали. Посмотрела на своего соседа по парте — Ваню Мельникова. В первом классе я отстала от него всего на одно слово. Но он преспокойно сопел. За лето Ваня стал еще выше и толще, желто-белые пушистые волосы подстригли под горшок ко Дню знаний, и на нем еле сходилась форменная черная жилетка из шерсти.

— Нечаева! Ты что головой вертишь? Не отвлекайся, пиши расписание.

Надежда Петровна... Она никогда не менялась. Все время носила один из трех имевшихся у нее деловых костюмов и короткую стрижку. За весь первый класс волосы ее ничуть не отросли. И сейчас тоже были точно такими, как в последний учебный день. Они имели какой-то оранжево-коричневый цвет и даже не прикрывали уши.

— Нечаева! Прекращай мечтать. Через минуту звонок, а у тебя дневник не заполнен.

— Ой, — опомнилась я и старательно начала выводить буквы, чтобы красиво получилось.

За каллиграфией пришлось провести всю перемену. И весь остаток классного часа, пока нам рассказывали про то, что на уроки английского языка мы теперь будем ходить в другой кабинет небольшими группами по десять человек.

У школы меня встретили сразу две бабушки. Домой поэтому шли, заходя на все площадки, что попадались на дороге, а потом еще и в пекарню. Ее «окошко» всегда выходило на набережную Карповки, оттуда доносился аромат свежих пирожков, а на витрине красовались булочки с вареньем и мамыны любимые песочные корзиночки с клубничным кремом. Их мы купили к столу. И отправились дожидаться родителей и Полину, мою старшую сестру. Она уже перешла в шестой класс, поэтому в первый учебный день ее ожидало сразу четыре урока.

Ариадна Эйзенхарт родилась в Санкт-Петербурге. Победительница в номинации «Симпатии жюри» в конкурсе питчингов литературно-издательского форума «Авторизация» (2018). Финалистка международных конкурсов «Славянское слово» (2019), «Теплые коты» (2020), «Десятая планета» (2020). Публиковалась в альманахе «Славянское слово», журнале «Север».

Дома было весело. Так всегда, когда собирается вся семья. Приехали наши дяди и тети, бабушки и дедушки. А потом меня отпустили к Нике на пятый этаж собирать конструктор. Там я и вспомнила, что вот-вот наступит день проверки скорости чтения.

Нас должны были посадить в кабинете, а одну парту вынести в коридор, где нам и предстояло читать. Слушать и оценивать полагалось сразу двум учителям. Нашей Надежде Петровне и завучу школы. Поэтому мероприятие считалось очень серьезным. И оплошать было никак нельзя. В прошлом году я плакала, когда оказалась одной из худших. Даже просила маму позвонить в школу и сказать, что я заболела. Но она отказалась.

— Ника, а вот вы в третьем классе будете вслух на скорость читать?

— Будем, конечно. И в четвертом тоже, — скукожила она свой веснушчатый нос, потому что ей напомнили о школе во внеурочные часы.

Я окончательно расстроилась. Конца мучительному времени не предвиделось. Надо было срочно научиться читать быстрее. Или, как сказала бабушка Настя, искусно декламировать.

— А какая у тебя была оценка во втором?

— Ну... — затанула Ника. — У меня много разных было!

— А за чтение? На скорость! — уточняю, чтобы получить долгожданный ответ.

— Четыре с плюсом! — отчеканила подруга. И гордо добавила: — Это почти пятерка!

Желание собирать замок из конструктора совсем пропало. Впрочем, как и читать. Не получалось ведь. А кто любит делать то, что никак не выходит?

— Мне домой пора.

— Чего это ты? — удивилась подруга. — Нам же до семи разрешили! Еще целых полчаса!

— Ника, ты и не представляешь! Мне сейчас не до игр...

— Представлю, если скажешь! — бодро заявила та.

— У нас в конце сентября чтение вслух. Я боюсь страшно! Читаю хуже всех...

— И что? — удивилась Ника. — Времени вагон! Давай играть.

— Нет! Ты не понимаешь. Я не могу! Это будет настоящий позор... Все будут насмехаться.

— А ты так прочти, чтоб не смеялись.

— Тебе легко говорить. У тебя почти пять... А я до тройки еле дотянула.

— Ладно, садись, — Ника была серьезна, как никогда.

Это меня насторожило:

— Зачем это?

— Читать будем. Мне папа «Вредные советы» на первое сентября подарил.

Я улыбнулась:

— Только чур не смеяться!

— А ты читай нормально, тогда не буду, — серьезно ответила моя самая близкая подруга, сложив маленькие тонкие ручки на животе.

Ника так сильно загорела, что ее кожа стала темной, как желудь, а на спине отрывалась хлопьями, под которыми оттенок был немного светлее. Поэтому мне казалось, что она чумазая. Но времени размышлять на эту тему не было. Ника уже достала книгу и усердно впихивала ее мне в руки.

Я начала. В стихах говорилось про конфеты, которыми не хочется делиться. И о том, что можно их запихать в рот прямо с фантиками, чтобы никто не заметил. Ника громко смеялась. Даже гоготала. Надувала щеки и снова заходилась.

— Договорились же... — с обидой сказала я.

Ника удивилась:

- Смешно же!
- А мне нет!
- Так представь, что там описано. Это весело!

Пока Ника изображала полные щеки конфет, я вдруг поняла, что смеялись вовсе не над моим чтением. И продолжила. Автор рекомендовал молча поздороваться с друзьями, показав им пустые ладони, потому что конфеты уже спрятаны за щеками. Пожать всем руки и кивнуть, чтобы никто не догадался о коварном плане. А потом стремглав бежать домой и, спрятавшись под кроватью, съесть сладости в одиночку.

Прочтя одно стихотворение, я почувствовала себя усталой. Ника же лопалась от смеха. Это время мы явно ощутили по-разному. Для нее оно пролетело незаметно. Для меня тянулось, как самая тугая резина. И весело от забавных стишков мне не было.

В комнату постучали. Пришел мой папа, значит, пора ужинать. Волосы его, точно иголки, угольками проросли на макушке. Их так много, что череп совсем не видно. Взгляд у него всегда мягкий, а ресницы длиннее, чем волосы. Папа не любил ничего менять, поэтому и в тот день был в привычной клетчатой рубашке из грубого хлопка. Если бы она внезапно оказалась другой, то папу никто бы не узнал.

- Почитаем завтра? — повернулась я к Нике на прощание.
- А то... Мне нужны новые идеи! — она захихикала.
- Я думал, вы конструктором заняты, как обычно, — медленно и, по своему обыкновению, очень серьезно сказал папа. — А вы, вот оно что, читаете теперь. Молодцы, девочки!

Вклинившийся в наш разговор папа протянул руку к «букварю».

- «Вредные советы». Ну что ж...

Вечером, когда родители желали нам спокойной ночи, мама вручила мне толстенную книгу — «Хижина дяди Тома».

— От папы, — мама всегда была передатчиком всех отцовских слов. — Он сам стесняется, ты знаешь. Книга действительно хорошая, — заверила она. — Читайте лучше ее.

- Эту я и за всю жизнь не осилю! Здесь миллион страниц... — засомневалась я.
- А ты попробуй начни, — мама применила свою особую улыбку, после которой все делали то, что она просила. — Хочешь, сегодня я вам первую главу прочитаю?

Капкан захлопнулся. Мы с Полиной переглянулись. Сестра отложила книжку про динозавров с наклейками и убрала короткие волосы за уши. Детская наполнилась сладким ароматом ожидания новой истории. Мама умела преподносить их под соусом увлекательных интонаций и пауз.

- Давай еще, — взмолились мы, как только мама закрыла книгу.
- Завтра читаете сами.
- Ну ма-а! С тобой интереснее!

Она улыбнулась, поцеловала нас в щеки. Губы ее были тонкими, мягкими и теплыми. Глаза — большими и лукавыми, как у лисы во всех сказках. Волосы вились, приятно пахли, и их нельзя было трогать. Зато мамин звонкий и бодрый голос касался каждого.

- Кого утром первой будить?
- Чур не меня! — выкрикнула я громче, чем требовалось. — Я поспать хочу...
- Хорошо, первой будет Полюшка, а послезавтра Маришка, — и возразить или расстроиться было просто невозможно.

Следующим вечером детская затрещала от наших споров — кто первой будет вслух читать «Хижину дяди Тома».

- Ты слишком медленная, лучше я, — стояла на своем сестра.

— Мне надо тренироваться! Мы чтение на отметку сдавать будем.

— В школе поупражняешься. А мне интересно знать, что дальше. С твоей скоростью мы за вечер прочтем не больше одного разворота.

Слово за слово, и две девочки уже крепко сжимали желтую книгу в руках. Отступать никто из них не хотел. Каждая тянула трофей на себя. Локтями, бедрами и ногами мы старались оттеснить друг дружку подальше. Вследствие чего повалились на пол, где началась серьезная борьба. Книга улетела в сторону. А две сестры в пижамах с корабликами, или, что на тот момент было более важным, враги номер один, сцепились, чтобы выяснить, кто первой будет читать.

Когда в комнату вошла обеспокоенная мама, Полина лежала на животе, приплюснутая мной и боевым кличем:

— Я Кинг-Конг! Победа! Я буду читать!

Несмотря на все увиденное, мама округлила глаза совсем не в нашу сторону. Раскрытая книга страницами уставилась в пол, обложка разошлась, и почти по всей длине корешка пролегал глубокий каньон.

Чтения, конечно, уже никакого не получилось. Под чутким руководством папы и угрозой ремня мы старательно залечивали раны «Дяди Тома». А потом в тишине родительского разочарования отправились спать.

— Дэ-бэ? — спрашиваю.

Этот шифр означал «давай болтать».

— Я с тобой не разговариваю, — шепотом отозвалась сестра.

— Завтра я читаю, слышишь?

— Спи давай, — буркнула Полина. Это означало, что соперница признала поражение.

В школе меня не оставляли мысли о новой книге. Как оказалось, сестра чувствовала то же самое. И выучив урок предыдущего дня, мы пошли спать пораньше, чтобы наконец приступить ко второй главе.

— Чего так медленно? — сквозь зубы шептала Полина.

Под конец первой же страницы я не вынесла напряжения и протянула ей книгу.

— Держи, у меня не получается.

— Нет уж. Ты же у нас Кинг-Конг, — кривляясь, напомнила сестра.

Я расстроено возразила:

— Но у меня не получается!

— И ты думаешь, что если не тренироваться, то магическим образом станешь читать лучше? — медленно уточнила Полина, чтобы я успела уловить смысл ее слов.

— Я об этом не думала, — ошарашенно ответила я. — Не выходит быстрее, не получается!

— Со временем сможешь. У меня же получилось. Но придется читать, практиковаться. Сама же об этом все уши прожужжала.

Но конца фразы я не расслышала, застряв на незнакомом слове.

— Чего делать?

— Читай, говорю, курья башка!

Я улыбнулась. Если сестра зовет тебя курьей башкой, значит, любит. Тем более книгу уступила.

К концу месяца с уже не такой загорелой Никой мы изучили порядочное количество вредных советов. А с Полиной прочли пять глав истории, вложив в каждую из них по кленовому листу, чтобы позже использовать их для гербария.

Наступило волнительное утро. Мама подняла меня первой. Все казалось необычайно медленным, я отчетливо ощущала каждый удар сердца, но при этом время несло вперед, приближая пустой школьный коридор с партой и раскрытым учебником.

«Что же будем читать? Что же будем читать?..» — без остановки крутилось в голове.

Несмотря на подготовку и даже ожидание, я все равно сильно нервничала и сомневалась в том, что справлюсь. Меньше всего хотелось опростоволоситься не потому, что медленно читаю, а из-за запинок от волнения. Когда перед тобой сидят двое взрослых серьезных людей: классный руководитель и завуч школы, конечно, становится неловко. С такими мыслями и влажными ладошками меня и вызвали в коридор. По дороге я постаралась сконцентрироваться на совете папы: «Сосредоточься и думай только о чтении, а не о том, что будет вокруг».

Я села за парту перед раскрытой книгой и озвучила заглавие, на которое указала учительница: Михаил Пришвин «Разговор деревьев». Рассказ был непростым. Но прочтя множество вредных советов, несколько глав «Хижины дяди Тома» и то, что мы проходили по литературе в первом классе и начале второго, я уже успела обнаружить: легких текстов не бывает. Кроме того, он оказался увлекательным. Некоторые заметки были очень любопытными, даже захотелось растереть почки разных деревьев между пальцами, а потом вдыхать с них запах смолы. Больше всего мне запомнилось последнее предложение: «Если с нами сравнить — мы звуками перекликаемся, а у них — аромат». Это очень красивая мысль.

В класс я вернулась довольной и гордой собой и с четверкой с махоньким минусом в дневнике. Мама с папой сказали, что это настоящая победа!

ПРОВЕРКА

Свет в детской погасили бесконечно давно, а сон никак не приходил. Я смотрела то на линии света по контуру занавесок, то на Полину. Сестра сопела на соседней кровати и видела, наверное, седьмой сон. Она лежала на животе, засунув руки под подушку и задрал согнутую ногу так высоко, что поза казалась неестественной.

Послышался холодный, отрывистый и необычайно четкий стук. Стучали во входную дверь. По коже побежали мурашки, и я спряталась под одеяло с головой. Но просвет для одного уха все же оставила, чтобы постараться услышать, кто пришел.

Щелкнул дверной замок. Послышался мамин шепот. Такой тихий, что ничего не разобрать. Потом раздался глухой скрип и снова щелчок. Мама заглянула в нашу комнату, которая по ночам не запиралась, на всякий случай. Она хотела убедиться, что поздний визит нас не потревожил. Мне был виден только ее силуэт. Голова казалась большой из-за локонов, и от нее пахло мылом.

Я не выдержала:

— Ма-ам, кто это был?

— Проверка, — незамедлительно последовал ответ.

Я ничуть не удивилась, потому что и без подтверждения знала об этом. Ведь ни для кого не секрет, что после того, как родители пожелают детям спокойной ночи и погасят свет в их комнатах, по городу проходит Проверка. Эта тайная служба обходит квартиры, чтобы удостовериться, все ли в постелях. А если какой-то ребенок не спит, его забирают в неизвестном направлении, где ожидает немислимое наказание.

Никогда не встречала никого из детей, кого бы уводила Проверка. Мама же часто напоминала, что за плохое поведение могут забрать и навсегда. Папа, задумчиво оторвавшись от газеты, это подтверждал. Поэтому так рисковать мы не решались. После пожелания доброй ночи с постелей уже не вставали. А если не терпелось пообщаться и совершенно не спалось, мы делали это шепотом и старались не смеяться. Второе обычно удавалось с трудом.

Однажды субботним утром я не обнаружила в постели свою старшую сестру. В выходные Полина любила спать до полудня, как и папа. Но в тот день, уже в восемь трид-

цать, кровать ее была аккуратно заправлена и даже прибрано на столе. Будто вторая половина комнаты опустела давным-давно. Обычно все выглядело таким опрятным и пустым, когда мы возвращались с дачи, проведя за городом целое лето. И даже пыль на солнечном свете казалась такой же, как в конце августа.

Я заглянула в ванную и постучала в туалет. Оттуда послышалось папино сонное: «Ну хоть здесь не кантуйте!». Тогда я направилась на кухню, где готовила завтрак мама. Ее светлые волосы с золотым отливом были заплетены в тугую длинную косу, о которой я пока только мечтала. А на веки нанесены персиковые тени. Они делали ее глаза больше, а цвет их, светло-карий или даже болотный, насыщеннее. И мне сразу захотелось попросить маму накрасить и меня тоже, чтобы быть такой же красавицей. Но тут я вспомнила, зачем пришла. Мама была тем человеком в семье, который все и про всех знал. Без ее ведома никогда ничего не происходило. В чем я и убедилась.

— Полина? — удивилась мама. — А ее Проверка забрала. Ты разве не слышала?

У меня от неожиданности открылся рот. Мы с сестрой были уверены, что с нами такого никогда не случится. Полина порой даже смеялась, говоря мне, что никакой Проверки и вовсе нет. Что родители нас просто пугают, но она, как взрослая, в свои тринадцать, в такие глупости не верит. И вот ее забрали. А я действительно совсем ничего не слышала. Все-все пропустила. Как сестру за непослушание подняли с кровати посреди ночи и с позором увели прямо в пижаме. Куда и на какой срок, не знала даже мама.

— Как же так?! — воскликнула я в отчаянии.

В одно мгновение я простила сестре все обидные прозвища, ябедничество и пятно от отбеливателя на моих любимых голубых колготках. Я думала лишь о том, что ее могли забрать навсегда. За переживаниями я и не заметила, что мама все еще говорит со мной. Она стояла посреди кухни в красном переднике и размахивала то поварешкой с тестом, то двумя сковородками, на которых подбрасывала блины.

— Потому что нужно слушаться маму!

Почему-то любое нравоучение всегда приходило именно к этому...

— И спать ночью. А не колобродить.

Слова мамы врезались в голову и не желали уходить. А папина рука в это время приложила к моему уху телефонную трубку.

— Марьяшка Игоревна, тебя Ника к телефону, — пояснил он, потрепал меня по голове и улыбнулся.

В трубке раздался звонкий голос моей самой лучшей подруги:

— На самокатах пошли кататься!

— Самокатах... — медленно произнесла я, все еще думая о произошедшем с Полиной.

— Можем и на роликах! — как всегда, быстро сориентировалась Ника, с которой наши увлечения полностью совпадали.

Я снова повторила за ней последнее слово:

— Роликах...

Тут подруга уже начала обижаться:

— Повторюшка — дядя хрюшка!

— Я маме сегодня помогаю! — тут же очнулась я.

— Вот оно что, — с пониманием протянула трубка, — я своей уже помогла! Ты тоже посуду мыть будешь?

— Наверное, — неуверенно отвечаю.

— Значит, через полчаса, да? — с надеждой спросила Ника, потому что мы выходили гулять только вместе.

— Не, во двор не пойду сегодня, — заключила я удрученно, понимая, что срочно надо что-то предпринять, чтобы вечером и меня Проверка не забрала.

Недолго думая, Ника сделала новое предложение, от которого я бы ни за что не стала отказываться:

— «Лего» давай тогда! Я вчерашний замок не разбирала, можем вместе разрушить...

Но с тяжелым сердцем мне пришлось занять:

— Я дома сегодня...

— Наказали, что ли?

Подруга встревожилась. При положительном ответе слишком высока была вероятность, что мне влетело за какие-то наши совместные проделки. Значит, моя мама могла рассказать родителям Ники, и ее бы тоже наказали.

— Пока нет вроде, — успокоила я.

Ника выдохнула:

— Можно к тебе тогда?

Мы с телефонной трубкой уже были под столом в детской, и разговор, как и любой другой серьезный, велся шепотом:

— Да нет же, Ника! Полину Проверка забрала, понимаешь? И меня забрать тоже могут. Я хуже учусь, в прошлое воскресенье халтурила, протирая пыль, и, с маминых слов, «совсем от рук отбилась».

— Какая еще Проверка? — недоумевала подруга. — Ты о чем?

— Завтрак! Все идем есть блины! — послышался мамин веселый голос, будто она собралась праздновать, что теперь у них на одного ребенка меньше.

— Мне пора, — шепнула я в трубку и побежала на кухню, пока не начали звать по второму кругу.

Блины со сгущенкой были вкусными, вне всяких сомнений, и я, как ни пыталась сохранять удрученное настроение, все равно немного повеселела. А после завтрака побежала в комнату, там скучали Полины куклы, которые были красивее моих. Поэтому я тайно одалживала их при первой же возможности, когда хозяйки не было дома. Тем более что она с прошлого лета почти к ним не прикасалась. Но в этот раз все было иначе. Играть с ними не хотелось. И вообще, казалось, что больше никто и никогда не должен их трогать, пока сестра не вернется.

— По-ля!

Со двора доносились голоса Ники, она все же пошла во двор без меня, и Ксюши Виноградовой, моей одноклассницы, которая жила в соседнем доме.

— Ми-ша! — это было сокращением имени «Марина», которое придумали дворовые мальчишки, потому что имя из трех слогов казалось им слишком длинным.

Девочки стояли под окном. Ксюша с самокатом. Ника на роликах. Обе с защитой на коленках, в расстегнутых куртках и с прищуренными от майского солнца глазами. И как мне ни хотелось к ним присоединиться, пришлось кричать на весь двор:

— Я уроки делаю!

На что подружки скорчили гримасы и, не став больше уговаривать, поехали кататься по набережной без меня. Они даже не подозревали, что одну из нас прошлой ночью похитила Проверка.

— Ма-ам! — кричу. — Тебе помочь?

— Погода хорошая, Маришенька, иди во дворе поиграй. Вон девочки же зовут, — сказала мама, а папа громко шмыгнул носом и одобрительно закивал.

Родители всегда были заодно.

— Нет-нет! Я лучше с тобой, — не купилась я на эту уловку.

— Посуду тогда помой.

— С удовольствием! — с полной решимостью выкрикнула я и приступила к исполнению роли отличной дочери.

Весь день я помогала маме по дому и никак не могла понять, как уборка квартиры может занимать так много времени. Но хоть домашние обязанности и заняли це-

лый день, скучно мне не было. Мы разговаривали и делились друг с другом интересными находками — семейными фотографиями с разных праздников, маленькими статуэтками, которые затерялись на книжных полках... А еще папа нашел выжигательный аппарат и показал, как им пользоваться. Потом родители принялись переключать радио, то на мамину станцию с песнями о любви на русском языке, то на папину — с иностранными словами.

Как только начиналась папина музыка, он принимался изображать музыканта. Клетчатая рубашка была расстегнута на несколько пуговиц, и это будто давало папе больше свободы. Он перевоплощался то в барабанщика, то в гитариста, а то и вовсе в солиста с насадкой от пылесоса для чистки ковров вместо микрофона.

Представление сопровождалось возгласами:

— Вот это настоящий рок! Да, Маришка?

— Ага, — отвечала я и начинала подыгрывать в папиной воображаемой группе.

Вскоре по квартире пронеслась мама, со смехом брызгала на нас водой, что осталась на пальцах от стирки, и кричала:

— А-а-а, не могу больше это слушать, а-а-а!

Когда мы уселись за стол ужинать, в дверь позвонили. На лестничной площадке стояла Полина. Такая, как обычно, только очень усталая. То же каре, та же заколка с бабочкой из бисера, джинсы с вышивкой и бежевая ветровка, которую родители с бабушками именовали — «на вырост». Ее лицо горело розовым, губы обветрились. Она улыбалась, ее ямочки на щечках были на месте, и глаза радостные. Будто Поля и не страдала весь день в гостях у Проверки.

Мое беспокойство о судьбе сестры мигом улетучилось, уступив место другому чувству. Любопытство заставило меня забыть о макаронах по-флотски и вечернем фильме, который родители разрешили посмотреть вместе с ними. И я потянулась к сестре. Однако мама, улыбнувшись и игриво подмигнув, меня опередила и утянула Полину за собой в комнату. Они так долго разговаривали, что макароны с чаем остыли.

Из комнаты они вышли молча, и мама отправила всех нас к столу.

— Ну что там было-то? Давай рассказывай! — не в силах больше ждать, поинтересовалась я.

— Когда я ем, я глух и нем! — парировала мама и как-то необычно посмотрела на сестру, сверкнув глазами, на что та хихикнула.

— Мама дело говорит, — подтвердил папа и вытер салфеткой с усов кетчуп.

После еды, когда мы с сестрой отправились в свою комнату, мне тоже не удалось узнать о Проверке. Она никак не хотела делиться.

— Рассказывать ничего нельзя, — заявила Полина.

Я удивилась:

— Совсем ничего?

— Ничего. Мне уроки делать надо, — буркнула сестра, будто с ней ничего не случилось.

Она отвернулась к письменному столу. А я заканючила:

— Как хоть Проверка выглядит?

Ответ бодрым маминым голосом прилетел из-за спины:

— Как чукча!

Полина уронила голову на гору учебников на столе.

— Пошли фильм про динозавров смотреть, — просунувшись в дверь, напомнила мама и отправилась устраиваться на диване.

— Как чукча... — задумчиво повторила я и побежала догонять.

Перед телевизором нас ждал папа. Он положил обе руки на спинку дивана, чтобы обнять нас с мамой и Полину, если бы сестра захотела отвлечься от уроков. «Парк

юрского периода» уже начался. На тумбочке стояли четыре кружки с какао. И страх, что за мной придет Проверка, отступил.

Тем же вечером, когда родители пожелали нам доброй ночи и выключили свет, с Полойной кровати донесся шепот:

— Дэ-бэ? — это означало «давай болтать».

— Дэ-бэ, — отозвалась я.

— Я с бабушкой на экскурсию ездила, нам в школе задали... А ты забыла, курья башка.

И мы обе закрыли рты одеялами, чтобы не рассмеяться в голос.

ПОДКИДЫШ

— Ой, смотрите, у нас на обед сегодня не чай, а компот! Ха-ха-ха, — смеялись мальчишки, показывая на меня пальцем.

А потом Дима Козов на весь коридор выкрикнул:

— Да, Компотова?!

Я насупилась и пробурчала Кати, с ударением на «и»:

— Очень смешно... Ничего нового придумать не могут!

Но на самом деле было обидно. Конечно, хорошо, что они не смеялись над моими жидкими волосами и тонкими косичками до плеч или короткой челкой, которая, как мама ни старалась, все равно выходила неровной. Повезло, что не задирали из-за родинки на щеке и блузки с рынка, ткань которой на ощупь и по виду напоминала бумагу. Иногда мне даже казалось, будто никто и не замечает всех этих изъянов, кроме меня. Это успокаивало.

Пока по пути в столовую я размышляла и осматривала себя на предмет поводов для дразнилок, подруга старалась меня подбодрить:

— Они глупые!

Мы нашли свободные места в самом конце зала, куда обычно все ленятся дойти, и приступили к обеду. Обе получали его бесплатно. У Кати папы не было, а у меня вроде как семья бедная. Наверное, это служило причиной. Точно никто не знал, но обед давали не всем.

После еды, как обычно, мы стали считать монетки в карманах, чтобы купить что-нибудь в буфете. Обычно у нас хватало на самую дешевую булочку с яблоком, которую делили на двоих. С Анькой, подружкой с прошлого года, было совсем не так. Когда мы скинулись по пять рублей и купили школьную газету «Светофор», она делиться не захотела.

Дальше по плану были «стеночки». Водил, как обычно, Арсений Покидышев. С самого первого класса за ним закрепилась кличка — «Подкидыш». Когда он гонялся за всей параллелью во время игры, мы весело выкрикивали: «Подкидыш из детского дома!» Было очень смешно. И почти каждую перемену шумная компания бегала между стен коридора, чтобы Арсений не успел догнать. Но случалось, что, услышав свое прозвище, он вдруг замолкал, упирался взглядом в пол и дальше исполнять роль воды отказывался. В тот день было так же.

— Надоела мне эта игра, — сказал Подкидыш и по дороге к классу добавил: — Вы злые.

— Кто как обзывается, тот так и называется, — крикнула Анька и была очень собой довольна, но ее веснушчатое лицо и широченная улыбка, которая встречается у злодеев в кино, показались мне еще более неприятными.

Вместо литературы был классный час, чему все несказанно обрадовались. Особенно я, потому что «Листья» Тютчева не выучила. Надежда Петровна, наша классная

руководительница, представила нового ученика — Вову Солнцева. Она назвала его имя и отправила за четвертую парту в среднем ряду, к одной из Даш.

— Он детдомовский, — прошептал Кошей за моей спиной. — Вчера на продленке говорили.

Необычную новость услышали все. Раньше никто из нас не видел детей из детского дома. И мы не знали, как они выглядят и чем отличаются. Поэтому тут же, не обращая внимания на учителя, ребята принялись переглядываться и закатывать глаза. Многие засмеялись, хотя Вова с виду был обычным мальчиком. От этого новость показалась мне скорее грустной, чем забавной. И присоединиться ко всеобщему бунту я не захотела. Зато зачинщик переполоха был необычайно горд тем, что раскрыл страшную тайну новенького. Он даже заулыбался, что для вытянутого Кошея с его вечно замороженным выражением лица, бледной кожей и синяками под глазами казалось необычным.

— Еще один Подкидыш! — выкрикнул Леша Перелома, бунтарь и двоечник.

Чрезмерную оживленность прервала Надежда Петровна, стукнув классным журналом по столу:

— Ребята! В этом нет ничего смешного и страшного. Так случается. Да, раньше Вова жил в детском доме. Его нашли любящие родители, такие же, как и у каждого из вас. Я советую вам поддержать одноклассника.

— Вова, — она обратилась к новенькому, — не переживай. Ребята у нас хорошие, ты быстро освоишься.

Но на перемене о словах классной все будто забыли. С новоиспеченным Подкидышем никто не стал ни играть, ни разговаривать. Он стоял один в коридоре и, положив руки на подоконник, молча смотрел в окно, за которым ничего примечательного на самом деле не было. Только серая стена дома напротив и одинокое дерево с чернеющей от сырости корой.

Варя Каск перед всей параллелью выкрикнула:

— Кто хуже Солнцева?!

Все молчали, а я, хотя за язык никто не тянул, зачем-то ответила:

— Ты, Варя!

Так я тоже стала объектом насмешек. Одноклассники и ребята из параллельного «А» быстро подхватили обидное обзывательство. Они стали бегать мимо и вокруг меня, выкрикивая: «Подружка нового Подкидыша». И в какой-то момент стало казаться, что абсолютно каждый в этом коридоре меня ненавидит.

Однако нашлись те, кто издеваться не стал. Арсений Покидышев, хоть я раньше и дразнила его «Подкидышем», с пониманием и сочувствием кивнул. Вова Солнцев продолжал буравить взглядом дерево за окном, будто ничего не происходило. Он не обернулся ни на одно колкое слово, не стал ни убегать, ни отвечать. А моя лучшая подруга Кати, с ударением на «и», просто стояла рядом. И поэтому я не заплакала, хотя сначала хотелось.

Мама встретила меня из школы и, заметив странное молчание и отсутствие предложений забежать на пару детских площадок, спросила:

— В школе все в порядке?

Она откуда-то всегда все знала...

Я понуро ответила:

— Да. У нас новенький.

— Рассказывай, что за мальчик, — оживилась мама.

— Вова. Он раньше жил в детском доме. А ребята из-за этого смеются.

Мы остановились посреди улицы, и мама, стараясь подавить тревогу в своем голосе при помощи улыбки, уточнила:

- И ты смеешься?
- Я с досадой призналась:
- А мне не смешно! Поэтому и меня тоже теперь обзывают.
- Компотовой?
- Нет. Подружкой нового Подкидыша.
- Не обращай внимания, — прозвучало неутешительное подбадривание.
- Тебе легко говорить, — буркнула я. — Это же не над тобой издеваются!
- Мама остановила мое возмущение новым вопросом:
- Но Катюшка же так не поступает, правильно?
- Кати, конечно, не обзывается.
- Мы медленно двинулись дальше.
- Во-от, — затянула мама. — Это же куда важнее. Что тебе толпа «желторотиков»? Потрепчат и забудут. Главное, сама знай, что ты у мамы с папой лучше всех! И держи рядом только таких, как Катюшка.
- «Желто» — кого? — с еще немного грустной улыбкой уточнила я.
- «Ротиков», — засмеялась мама. — Это несмышлениши, которые только и могут, что друг за другом повторять и обидные кричалки придумывать. Для этого ума много не нужно.
- Я с надеждой спросила:
- И что с этим делать?
- С выводком «желторотиков» — ничего. Про них я уже все сказала. Чего из-за них, глупых, переживать? А вот Вову новенького я бы поддержала на твоём месте. Искренность и благородство, в отличие от насмешек всей толпой над кем-то одним, требуют ума.
- Мама замолчала на несколько минут, чтобы я могла обдумать сказанные ею слова. Она мягко держала меня за руку, и мы шли вперед. А потом мама посмотрела на меня с теплотой и задорным голосом предложила:
- Давай-ка зайдем на ту большую площадку за театром «Остров»!
- В Матвеевский сад лучше пошли! — оживилась я.
- И все вдруг снова стало хорошо. Просто не всегда легко поступать правильно. Но разве это повод не идти на площадку?

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК

В апреле для начальной школы был организован весенний праздник. Родительский комитет за неделю до мероприятия решил, что каждый ребенок должен подготовить костюм. И все одноклассники с самого понедельника только и делали, что обсуждали, в кого нарядиться. Мальчики собирались переодеться в пиратов, супергероев и хищных зверей. Девочки наперебой воображали, как перевоплотятся в золушек, русалок и волшебниц из Хогвартса.

- А ты кем будешь? — смущенно спросила Катюшка.
- Не знаю. Родители сказали взять что-то в шкафу, потому что не станут покупать костюм. Но я ничего интересного не нашла, — поделилась я расстройством.
- Кати, с ударением на «и», обрадовалась:
- Значит, будем вместе, моя мама тоже отказалась!
- Чувств подружки я не разделила. Решив, что на праздник не пойду. Из всех зол лучше выбирать меньшее. Куда безопаснее для сохранения репутации в классе вообще

не прийти, «не вовремя заболел» или заявив во всеуслышание, что в детсадовских развлечениях участия принимать не желаешь. Еще, конечно, можно с тем же утверждением прийти совсем без костюма. В школьной форме или джинсах. Но даже если никто не догадается об истинных причинах, будет неловко.

— Кати, мы уже взрослые. Костюмированный праздник — это глупо, — сказала я, постаравшись сделать голос как можно более твердым.

Она поверила и с грустью уточнила:

— Думаешь?

— Да! Даже если бы у меня был костюм! Все равно.

На этом наше обсуждение предстоящего субботнего праздника закончилось. И в среду и четверг ни одна из нас на эту тему не заговаривала. Хотя в классе по-прежнему велись обсуждения нарядов, возможных вариаций праздничного стола и домыслов о планируемых конкурсах. Из-за этого мне только больше хотелось присоединиться к веселью. Но одновременно я начинала сильнее бояться.

Пока мы с Кати по общему решению забыли о детских забавах, я все же разбирала каждый вечер шкаф. Будто надеялась найти в нем что-то новое. А точнее — подходящий для праздника костюм. Периодически сестра посматривала в мою сторону с немым вопросом, хмурилась и поворачивалась обратно к письменному столу делать уроки.

— Да что ты там возишься? — наконец поинтересовалась Полина вечером в четверг.

— Костюм ищу для весеннего праздника.

— Не там искать надо. В нашем шкафу нет ничего подходящего, — язвительно заметила сестра, щелкнув шариковой ручкой.

— Знаю, но вдруг... — оправдывалась я.

На что получила шипящий ответ той, кому шум мешал заниматься:

— Сомневаюсь.

Но мне не терпелось обсудить волнующую тему. Кати для этого не годилась, ведь я заверила ее, что уже слишком взрослая для глупых праздников весны. Родители могли не понять. Оставалась старшая сестра, с которой мы часто ссорились, но жили в одной комнате и знали друг о друге все.

— Я тоже. Поэтому ни за что не пойду!

Поля замотала головой и продекламировала известный факт:

— Мама спрашивать не станет.

На что я тут же выдала сложившийся в голове план, как избежать позора:

— А я заболею!

— И к вечеру поправишься? — Полина с недоверием и ноткой осуждения посмотрела на меня. Нахмурившись, добавила: — Я бы на твоём месте сходила.

— Ты не на моем месте! — я начала заводиться. — И без костюма тоже бы никуда не пошла.

— Пошла бы! И ходила. Ничего, пережила. Ты много думаешь. Всем все равно, что там у тебя с костюмом.

У обеих раскраснелись от возмущения щеки и задрожали голоса. И вроде проблема была не сестринская, однако повлияла на нас. Я хотела быть услышанной и понятой. А еще лучше, чтобы нашлось решение в виде подходящего костюма. Полине же мешал шум, и ее раздражало, что я не хочу просто поступить так, как всем удобно, — надеть что-нибудь и опозориться перед классом.

Я перешла на крик и топанье ногами:

— Ничего не все равно! С понедельника все только и делают, что хвастаются, кто кем будет.

Сестра не стала отвечать тем же. Она молча поднялась со стула на колесиках и, толкнув в грудь, усадила туда меня. Взялась за пластиковые подлокотники, нагнулась пониже и, глаза в глаза, сухо и быстро протараторила:

— Не хвастаются, а делятся. Это нормально. И у нас остался чепчик от костюма Красной Шапочки. Платье любое возьми. Передник мамин. Корзинку у бабушки попроси. И нет проблем.

— Красной Шапочки? Ты за кого меня принимаешь! Кто такое наденет?

Сестра начала злиться. Она ткнула пальцем себя в грудь и сказала:

— Я! И ничего.

— В детском саду и я надевала. Но не в третьем же классе!

Я заплакала:

— Меня засмеют! Ни за что туда не пойду.

— Делай что хочешь, курья башка! — сказала Полина, у которой лопнуло терпение, и отказалась продолжать разговор.

На крики, раздававшиеся из детской, прибежал папа, который в этот день тоже был не в настроении:

— Что у вас происходит? Опять ссоритесь?

— Я на праздник весны ни за что не пойду! — выкрикнула я в сердцах и кинулась на кровать, лицом в подушку.

— Не хочешь — не ходи, — сказал папа и оставил нас втроем: меня, сестру и нашу взаимную обиду.

К ужину, как и полагалось, все уже успокоилось. Мама весело зазвенела: «Ку-у-ша-ать!» Поля оттолкнулась от стола и проехала на стуле по комнате, потом подняла руки вверх, потянулась и мягко произнесла: «Пошли, чукча». В коридоре папа потрепал меня по голове. И за столом все сидели, разговаривая, как обычно.

— С костюмом мы что-нибудь придумаем, — сказала мама и с улыбкой кивнула в мою сторону.

Когда она размышляла, то принималась заплетать свои длинные кудрявые волосы в косу и смотрела в окно или в стену. Главным здесь было — ничего конкретного не рассматривать, чтобы не отвлекаться. В такие моменты ее глаза теряли привычную веселость и лукавство, в них появлялись какая-то одухотворенность и пустота, а болотный цвет становился насыщеннее. Сейчас же задумались оба родителя. Один теревил прическу, второй расстегивал и застегивал верхнюю пуговицу на рубашке в клеточку и шмыгал носом. Последнее папа делал вне зависимости от серьезных дум.

— Кхэм, — это значило, что сейчас он заговорит.

— Вы же вроде наряжались в Красную Шапочку? — припомнил папа, уверенный в том, что эта идея пришла в голову ему одному.

— Это для малышей, — ответили мы с Полиной хором.

Я улыбнулась сестре, которая все же приняла мою сторону.

— У меня есть старая белая юбка, пушистая такая... Подошьем ее, наденешь белевную футболку и будешь снежинкой, — неуверенно сказала мама, чем тут же породила сомнение у каждого члена семьи.

— Аня, весна же, — отменил предложение папа, непривычно назвав маму по имени.

Другие идеи за вечерним столом так и не возникли. Впрочем, как и за утренним. А в школе Катюшка все же воспользовалась последней возможностью уговорить меня пойти.

— Мы вчера с мамой решили взять красное платье, мне в том году его тетя отдала, и пришить к нему сзади золотую мишуру, как плащ, — с волнением поделилась подружка, — Что скажешь? Буду Огнем...

— Не знаю. Я думала, что мы не идем, — ответила я.

— Это ты так решила. А я обсудила все с мамой... И теперь хочу пойти! Будут конкурсы, конфеты. Это весело.

— А вот и нет! — возразила я. — Это детсадовские глупости. Особенно когда засмеют за дурацкий костюм!

— За два дурацких — нет, — ответила подруга.

Но на следующий день идти на праздник я все равно не решилась. Домашние предложили скромные костюмы, а белой вороной в третьем классе мало кому хочется оказаться. И даже папина рука, приложившая к моему уху телефонную трубку, не была достаточно убедительна.

— Марьяшка Игоревна, тебя Кати, — пояснил он, выделив последнюю букву в имени подруги, как полагалось, и потрепал меня по голове.

В трубке раздался веселый голос:

— Ну что, пойдешь?! Я буду Огнем!

— Нет, я заболела, — соврала я и виновато посмотрела на папу.

Он ничего не сказал. Только помотал головой в знак того, что выбор неправильный. Папа сделал это так выразительно, что сразу стало понятно: имеются в виду два неверных решения. Первое — отказаться от праздника. Второе — соврать.

В понедельник одноклассники спрашивали о моем здоровье. Катюшка, зная о том, что я все выдумала, легенду поддержала и рассказала ее всем, добавив детали собственного сочинения. Теперь каждый считал, что у меня был костюм Гермионы, но живот подвел в самый неподходящий момент. За что я молча поблагодарила Кати, улыбнувшись и едва заметно кивнув.

— Ты не представляешь, как было весело! — сказала подруга. — У меня был дурацкий костюм. И платье некрасивое. Но я пришла и, как мама советовала, с усмешкой стала говорить: «А-а-а... Вы что, все готовились? А мне вот вообще пофиг на детсадовские утренники! Я взяла первое попавшееся платье и нацепила мишуру. Так что я — Огонь, если кому непонятно!» Все это время я улыбалась и хихикала. И никто не пытался меня задеть, Мари.

Последнюю букву в моем имени она не забыла отметить ударением. И делилась со мной искренне. Поэтому я была за нее рада. Но в то же время мне стало обидно оттого, что Кати с самого начала говорила все верно — нас бы не засмеяли. Дома тоже все были правы. Разочарование мое возросло еще больше, когда подруга поведала мне о конкурсах, которые устроили родители, и что к чаю был мой любимый йогуртовый торт.

— А Светка из «А» класса вообще пришла в коротком сарафане, и все! То есть она точно была хуже меня! — продолжила восторгаться Кати. — И ничего!

— Жаль, что я не пошла, — с грустью заметила я.

— Ага, — подтвердила подруга, тоже немного опечалившись ради приличия. — С тобой было бы куда веселее!

И мы принялись переплетать друг другу волосы так, чтобы у каждой было по две косички...

ВЫШЕ НОГИ ОТ ЗЕМЛИ

Каждое лето, когда мы приезжали на дачу, одним из главных развлечений и опасностей было посещение замка балерины. Среди аккуратных улиц, деревянных домиков и старых заборов, среди садоводов-любителей, компаний ребят на велосипедах и разморенных на солнце родителей, среди детского смеха, воодушевленных разговоров бабушек «обо всех» и ворчания работяг, которых рано разбудили

в воскресенье, притаилось это загадочное место. Слухи о нем передавались из уст в уста. И никто не мог ручаться, что все это глупые домыслы.

О красном кирпичном доме ходило множество разговоров. Когда-то там жила невероятной красоты и таланта балерина, которая трагически погибла или просто пропала без вести. Она настолько любила искусство классического танца, что не могла смириться со смертью и даже судьбой. И против всяких законов вселенной продолжала танцевать. Но и этого в какой-то момент ей стало недостаточно.

Когда балерина уже более не могла сносить мучительное одиночество, она нацелила свои призрачные чары на жителей поселка, чтобы кто-нибудь наконец составил ей компанию. Стоило неосязаемым ледяным пальцам коснуться живого человека, как тот начинал танцевать. И уже не мог остановиться. Кружась в танце с призраком балерины, жертва попадала в пасть загадочного замка, и больше ее никогда никто не видел.

Казалось, да и каждый житель поселка был в том уверен, что красный кирпичный дом притягивал несчастья. Одним субботним утром, еще в самом начале лета, в нем поселился новый хозяин. Вне всяких сомнений, он был личностью подозрительной. Приезжал крайне редко и без опаски скрывался за железной дверью. Да так быстро, что никто из соседей не успевал его разглядеть. Любопытство наше удовлетворял лишь оставленный посреди дороги черный автомобиль с тонированными стеклами и большими колесами, попросить передвинуть который, чтобы освободить проезд, никто не решался.

Татьяна Васильевна, бабушка Даши со Второй улицы, доверила Тамаре Ренатовне, бабушке Маши с Четвертой, чрезвычайно опасную, тайную и, разумеется, правдивую информацию. Собственными глазами Татьяна Васильевна, которая всегда носила большие очки с толстыми линзами и аккуратную плетеную шляпку, увидела, что из люка огромного черного автомобиля, стремительно пронесшегося мимо ее участка, торчала настоящая пушка.

— У Татьяны душа в пятки ушла. Она еле собралась с духом и силами, чтобы добраться до меня и сообщить эту новость!

На том Тамара Ренатовна рассудительно остановила свой рассказ соседке Вере Степановне и поднесла к накрашенным коричнево-красным губам указательный палец с ногтем того же оттенка. Знаком показав чрезвычайно улыбчивой старушке с фиолетовыми волосами, что просит не распространяться об услышанном.

— Танечка Васильевна понимала, что ради своей же безопасности ей стоило держать язык за зубами. Но не доверить подобное ближайшей подруге Тамаре Ренатовне не сочла возможным. А Тamarочка поделилась этой страшной вестью со мной, — по секрету проговорила взволнованная Вера Степановна своей соседке с противоположной стороны Александре Андреевне, у которой не было внуков, зато подруг — пруд пруди.

— И тем не менее я считаю долгом оповестить об опасности всех соседей, — заключила Александра Андреевна, сидя в саду за столом, изумительно накрытым к чаю, со своими подругами: Жанной Александровной, Лидией Васильевной и нашей бабушкой Анастасией Ивановной.

— Аня, ты слышала, что у вас здесь происходит? — сообщила бабушка маме по телефону тем же вечером, сидя со мной и моей старшей сестрой Полиной за одним столом.

— Девочки, девочки, — столкнулись мы утром сразу со всеми подругами, спешившими сообщить те же новости.

Итак, всего за несколько дней для всех жителей садоводства стало очевидно, что дом теперь опасен не только белым призраком балерины в окне, но и новым своим об-

ладателем. Этот человек не желал ни с кем знаться, кроме тайной совладелицы дома, и никто так и не видел лица подозрительного инкогнито. Поговаривали, что, вполне вероятно, именно он и был когда-то возлюбленным погибшей балерины. И наговаривать ни в коем случае никому не хотелось, но имелось некое допущение, которое мало кто решался произнести вслух, что он своими руками и убил ее в этом доме. Долгие годы неизвестный бандит прятался и не появлялся на пороге. В итоге же не выдержал и вернулся к возлюбленной, которую теперь и навещал по выходным раз в две недели. Других объяснений поведению загадочного владельца решительно не было. Поэтому, взволнованная поступающими отовсюду новостями о соседе с преступным прошлым и настоящим, бабушка поспешила забрать нас с Полиной в город.

После недельной ссылки родители отправили нас с сестрой обратно на дачу. На этот раз с другой бабушкой и дедушкой на их новеньких «Жигулях» вишневого цвета. При въезде в садоводство нам с Полиной вспомнился устрашающий дом. Мы тут же поспешили наперебой рассказать все, что знали сами. И раз уж все были в полной безопасности внутри машины, сестра предложила проехать мимо этого дома для пущего эффекта. Полина безмятежно улыбалась, и на ее щеках появились ямочки. Я же чувствовала себя немного тревожно.

Бабушка сказала:

— Глупости какие!

Она использовала эту фразу всегда, о чем бы речь ни шла. Поэтому я тоже начала улыбаться. Все знали, что исключением являлось только то, о чем рассуждала сама бабушка. В этом случае любая тема оказывалась чрезвычайно важной и серьезной. А высказанные ею мысли единственно верными и разумными. Возражения не принимались.

— А что, почему бы и не проехать там, — спокойно произнес дедушка. — Куда поворачивать, девочки?

И мы все объяснили: налево, вверх по улице, потом направо, снова налево и прямо, направо. И на повороте будет красный кирпичный дом, владельцы которого, несомненно, настоящий бандит и призрак балерины. Первый был способен убить любого, вставшего поперек злодейской дороги. А его возлюбленная с легкостью могла заставить даже очень стойкого человека выполнять балетные па без конца до самой смерти — стоило только засмотреться на размытый белый силуэт в окне страшного дома.

Все шло так, как и было задумано. Дедушка совершал повороты точно по инструкции. Но когда мы приблизились к злополучной груде красных кирпичей под ржавой крышей, план провалился в тартарары. Кто же мог предположить, что в самый ответственный момент дорогу перекроет большой внедорожник с тонированными стеклами! И вместо того чтобы быстро проскользнуть мимо вселяющего ужас дома, впечатлив при этом бабушку с дедушкой, мы нерешительно остановились. Из черного автомобиля вышел тот самый новый сосед, которого раньше никто никогда не видел. Это был крупный мужчина с лысой головой. Больше ничего ни я, ни Полина, ни бабуля с дедулей от страха не запомнили. Он направился напрямик к нашим, совсем маленьким, по сравнению с его габаритами, «Жигулям». И мы всей семьей одновременно, как по свистку, сглотнули слюну и вжались в сиденья.

Полина, нервно убирая пряди коротких волос за уши, шептала:

— Задний ход, дедушка, задний ход!

Но с места мы двинуться не успели. Сосед приблизился вплотную и положил руку на крышу наших «Жигулей», как будто был уверен, что так легко сможет их остановить или, напротив, сдвинуть. Он медленно забарабанил пальцами над нашими головами. Это напомнило мне мелодию из какого-то ужастика.

— Не открывай, — пискнула сестра.

Но дедушка уже медленно крутил ручку, опускающую стекло. С каждым поворотом он, как и все остальные, и даже бабушка, до сего момента считавшая все рассказанное нами глупостями, старался слиться с сиденьем. Каждый уже было приготовился к самой страшной смерти, но сосед великодушно согласился отпустить наше семейство.

— Объезжай там, — единственное, что сказал бандит, пальцем при этом указав на соседнюю улочку-линию.

— Х-хорошо, х-хорошо, — запинаясь, ответил дедушка.

Согласие полностью удовлетворило бугая, и он пошел обратно к своим таким же огромным, как их хозяин, автомобилю и замку. Пока сосед не обернулся, передумав насчет мирного расставания, дедушка поспешил дать задний ход и скрыться за тем самым поворотом, куда было указано. До участка ехали молча. Даже бабушка не могла вымолвить ни слова. И мы уже готовы были заволноваться, но к ужину дар речи к ней вернулся.

— Глупости какие, я совсем не испугалась, — сказала бабушка, а мы по-семейному сделали вид, что верим.

Произошедшее сразу по возвращении на дачу и все большее количество историй, которые окутывали таинственный и неприступный замок, само собой, не могли оставить равнодушными никого из детей. Поэтому мы решили, что бетонные кольца, беспорядочно громоздившиеся от его крыльца до проселочной дороги, это отличное пристанище, чтобы рассказывать страшилки. Такие кольца могли вместить почти всю компанию. Само собой, столь опасное занятие было не для всех. Те, кто младше десяти лет, категорически не принимались в наши ряды. Мне как раз в апреле исполнилось десять, и я бегала гораздо быстрее многих девочек.

На следующий день после обеда все смельчаки встретились неподалеку от дома балерины. Маша с Четвертой улицы, которая с самого утра готовилась к предстоящему приключению, явилась первой и стойко нас ожидала. На ней была мантия со звездами, в руках волшебная палочка феи. В свои почти одиннадцать лет она почему-то пребывала в уверенности, что все это ее защитит. Мы с Полиной даже не обсуждали возможность передумать и показались одновременно с Андреем, чем-то напоминавшим обезьяну, и Аленой. Близкая дружба нас не связывала, но у нее были длинные белые волосы, о которых мечтает любая девочка. Даша со Второй улицы пришла сразу после нас. С каждым шагом подруга становилась все бледнее и медлительнее. Поэтому Саша, стриженный почти наголо, и Игорь, обогнавший всех в росте, хотя ему всего одиннадцать, легко ее опередили. Кира пришла последней. Ей, как и Полине, исполнилось четырнадцать, но выглядела она старше и пользовалась косметикой.

— Ну что, побежали? — сказал Саша. — Все помнят? Пока первый добежавший считает до десяти, все должны успеть запрыгнуть на бетонные кольца.

Кира, переглянувшись с Аленой, которая за ней по пятам ходила и везде совала свой горбатый нос, с улыбкой, полной самодовольства, добавила:

— Тот, кто не успеет, рискует выполнять балетные па до самой смерти. Без отдыха и сна. Бесконечно!

Даша громко сглотнула, а Саша скомандовал:

— На старт!

— Внимание! Марш! — вне очереди выкрикнул Андрей и показал ему язык.

Все, кроме Даши, побежали к замку. Она же, не оборачиваясь, устремилась в противоположном направлении — домой.

Красный кирпичный дом нависал над некогда солнечной поляной на окраине поселка всем своим трехэтажным существом. На черной железной двери не было ручки, один лишь глазок. За ним, если осмелиться подойти поближе, ощущалось ледящее душу дыхание. За разбитыми окнами безмолвная тьма, которую сдерживали лишь ста-

рые доски, приколоченные второпях на рамах. Ржавая крыша также устрашала прохожих. Не столько своим неказистым видом, сколько превращением тени от дома в настоящего монстра.

Именно в бетонном кольце возле окутанного тайнами замка началось наше увлечение страшными историями. Мы пересказывали все увиденные, услышанные и прочитанные ужастики. Замирали от страха и радовались. Пугались и веселились еще больше. Глаза у всех жадно горели, ладошки потели и в жуткие моменты под девчачий писк закрывали детские лица. А если мы слышали что-то совсем душераздирающее, то непроизвольно выставляли руки вперед, стараясь защититься от невидимой опасности, которая, несомненно, была совсем рядом.

— А давайте «на слабо» пойдем и в дверь постучим, — предложил Андрей. Сидя на корточках в трубе, он напоминал обезьяну больше обычного.

— Хорошо, только идем все вместе, — согласилась я и оглянулась на Полину, чтобы получить одобрение.

— Можно я здесь останусь? — робко уточнила Маша, крутя в руках волшебную палочку и всей спиной подперев рюкзак, который носила под ветровкой, а в тот день еще и под мантией, на случай дождя.

Мне вдруг подумалось, что, если на нас внезапно нападут, она не успеет спастись бегством. Настолько неповоротливой она казалась со своей экипировкой. Кроме ухмылок Киры с Аленой, ответа не последовало. А мальчишки, перебивая друг друга, снова объявляли правила. От серьезности своей роли Саша выглядел необычайно взрослым и умным, будто его не после вшей обрили, а он отслужил в какой-нибудь армии.

— Тот, кто рискнет и подойдет вплотную к двери, постучит в нее и подождет ответа хотя бы минуту, тот победил, — закончил пояснения Саша.

И всей детской оравой мы, как настоящие ниндзя, ступая строго с пятки на носок, отправились выяснять, кто из нас самый смелый и отважный. Как я и предполагала, Маша из-за своего рюкзака сильно отставала. Наша «сказочница» еще шаркала, когда все давно стояли у ступеней. Но несмотря на тяжелые вздохи Алены и ухмылки Киры, первый шаг негласно решили сделать вместе — дружно, как цапли, задрав по одной ноге.

Когда трое мальчишек и пятеро девчонок стояли, вытянувшись шеренгой, перед бетонной лестницей и переглядывались, чтобы поднять одновременно ноги, все происходящее напоминало шуточную забаву. Но стоило нам преодолеть первую ступеньку и собраться ступить на вторую, как некто неизвестный, нам так и не удалось выяснить личность вопившего, взбаламутил группу юных первооткрывателей ультразвуковым сигналом о наступлении призрака. И мы, толкаясь и спотыкаясь друг о друга, бросились наутек, не разбирая дороги. Перепугались даже Саша и Кира. Вмиг вся их взрослость исчезла. А смельчака мы в тот день так и не определили.

Зато после, снова сидя в безопасности бетонного кольца, каждый мальчишка поведал во всеуслышание о том, что он-то не трус. Они уже подходили к двери в одиночку, без неуместных свидетелей, и даже в нее стучали. Но вот загадка, что-то случилось с их неимоверной храбростью именно тогда, когда мы появились на пороге красного зловещего замка всей гурьбой и плечом к плечу кралась ко входу.

— В «выше ноги от земли» давайте? — перевел тему Андрей, умудрившийся измазаться в грязи и побелке с ног до головы.

— А кто водить будет? — спросила Кира, явно намекая на то, что она точно не согласится.

Алена тут же придвинулась к старшей подруге, показывая, что гоняться за нами не собирается. На что мы с Полиной закатили глаза. Она вечно примазывалась.

— Ты, — ответил Игорь, указав пальцем на Киру, его брови шуточно подпрыгнули вверх и опустились.

— Чур не я! — отмела собственную кандидатуру Маша, понимая, что никого не догонит.

Тут оживилась Полина. Ее острые коленки тоже были в побелке. А в глазах заиграл огонек озорства. И чтобы собраться с духом и заговорить, сестра заправила пряжи своего каре за уши и сжала пальцы в кулак.

— Водить может наша несравненная подруга...

Полина нарочно сделала паузу. А Кира смущенно заулыбалась, решив, что говорят о ней.

— Таинственная балерина! — выкрикнула сестра, ошарашив и обрадовав нас.

В этот момент ярко-ярко и близко-близко полоснула вспышка грозы. Мы вдруг заметили, что стемнело. Начался ливень. Он казался злым и опасным. Каждому пришлось в голову, что это проделки призрака балерины, но никто не решился озвучить мысль. Ведь именно стихия сопровождает все самое мистическое и угрожающее. Близость к сверхъестественному нас не только страшила, но и радостно будоражила. Раскаты грома будто пробивали над головами купол неба, гроза усиливалась и словно отыскивала здесь, у замка, свою жертву.

— Побежали! — скомандовал Саша. — По домам, быстро!

— Кто за тридцать секунд не успеет, того схватит балерина! — выкрикнул Андрей.

И мы побежали...

КАК ПОЛИНА МЕНЯ ИЗ ШКОЛЫ ЗАБИРАЛА

Был теплый майский день, уже зацвели ароматные кусты сирени и спреи. Я сидела на самом вершуге железной лестницы на игровой площадке. Продленный день закончился, и в школьном дворе оставались только я и Катерина Ивановна, которая не могла уйти, пока меня не забрали. Но время тянулось, а сестра все никак не приходила, хотя после шестого урока прошло больше часа. Иногда она посещала дополнительные занятия, но и они уже должны были закончиться. Однако Полина так и не появилась.

Папа был категорически против того, чтобы я ходила домой одна. Мама недавно вышла на работу, поэтому забирать меня отныне полагалось старшей сестре. В январе ей исполнилось пятнадцать, и она, резко бросившись в рост с приходом весны, заканчивала восьмой класс. Сестра нехотя отдала мне часть своих игрушек, начала закалывать челку и говорить, что больше каре носить не будет. Из школы Полина возвращалась самостоятельно с пятого класса, и я с нетерпением ждала следующего сентября, чтобы тоже получить все преимущества средней школы.

Но пока я училась только в четвертом классе и зависела от сестры. Весь год меня преследовал страх, что она забудет обо мне. Каждое утро приходилось напоминать о том, что буду ждать ее на продленке. И всегда, как только учебный день заканчивался, Поля забегала за мной в класс, столовую или на площадку, чем я гордилась, потому что иногда сестру принимали за учительницу. Но в тот день она все никак не приходила. Так я поняла, что сбылись самые страшные опасения: обо мне забыли.

Время тянулось бесконечно, как для меня, так и для Катерины Ивановны, которая еще только заканчивала педагогический институт. Я уже было принялась составлять план, как отпроситься и пойти домой самой, но, сверкая острыми коленками, торчащими из-под короткой джинсовой юбки, пришла Полина, и не одна. Оказалось, что она пригласила в гости подругу Нину. Девочки настолько увлеклись общением, что про меня вспомнили только после звонка мамы. После чего сестру вместе с подругой, уставших и недовольных, отправили обратно в школу.

Поворчав, мы отправились домой. Нина, смуглая девушка с карими глазами и синей тушью на ресницах, шла с нами. Не пройдя в мире и согласии даже половины пути, она предложила Полине меня оставить, почему-то не чувствуя неловкости от того, что я слышала каждое касающееся меня слово: «Мелкая, скучная и ничего еще не знает о жизни». Сестра немного покраснела и стыдилась смотреть как на Нину, так и на меня. Стараясь скрыть это, Поля натянуто улыбалась. И хоть виднелись ямочки на щеках, губы были так напряжены, что не разжимались. Она не хотела огорчать подружку и желала казаться в ее глазах взрослой и рискованной, потому что дорожила дружбой. В итоге мы решили разделить и пойти разными дорогами под предлогом соревнования (кто быстрее).

Я совершенно не обиделась, услышав:

— Так, чукча, мы с Ниной сейчас повернем на набережную, а ты иди прямо. Понятно?

Идея показалась мне невероятно привлекательной, и я кивнула в знак полнейшего одобрения. Это был первый самостоятельный поход домой из школы. Не совсем полноценный, но меня и это устраивало. Ту часть пути, которую оставалось пройти в одиночку, я знала очень хорошо. Поэтому решила идти не по улице, а через дворы вдоль Профессора Попова. В одном из садиков росла сирень, и мне хотелось на нее наткнуться, чтобы сорвать пару цветущих гроздьев, положить в таз с водой и получить настоящие духи, которыми можно одарить бабушек.

Желание победить тоже присутствовало. По крайней мере, у меня. И как только мы разошлись, дух соперничества полностью меня поглотил. Чтобы опередить девочек, я побежала, расстегнув куртку и забыв, что минуту назад собиралась играть в парфюмера. Старшие же подружки, как выяснилось позже, следовали иному плану и шли медленно. Они заглянули в пирожковую на Карповке, где долго выбирали между ватрушками и сочными. И вообще, хотели поболтать о своем. Поэтому когда я свернула с Вяземского переулка на набережную, их все еще не было видно, а у меня насквозь промокла школьная блузка и покраснели щеки.

Домой я поднималась, представляя, как похвастаню тем, что опередила соперниц. Но они куда-то запропастились. Когда ожидание наскучило, я спряталась под креслом, чтобы напугать Полю с Ниной, обдуманно засунув туда еще и куртку с ботинками и рюкзаком. Лежать в тесноте оказалось не очень весело. Но всегда приходится решать, что важнее. И я была готова потерпеть, лишь бы испугать девчонок.

Наконец шелкнул дверной замок. Услышав шарканье двух пар ног и шушуканье, я затаилась, заткнув рот рукой. Они с грохотом скинули на пол школьные сумки и, хихикая, направились в сторону кухни. В этот момент по задумке подружки должны были обнаружить мое исчезновение.

Полина окликнула меня:

— Марина?

Я постаралась не дышать. Прежде чем выскочить, хотелось убедиться, что они точно поняли: меня нет. Однако все произошло значительно быстрее, чем я предполагала. И испуг сестры превзошел ожидания.

— Да ладно тебе, По, — скучающим, недовольным тоном произнесла Нина.

Поля никак не отреагировала на это высказывание и гулко зашагала в сторону прихожей. Откуда тревожно окрикнула свою подружку:

— Ее нет! Куртки тоже. Мелкая еще не вернулась.

Пока я ожидала, что девочки заглянут в комнату, перепуганная сестра выскочила обратно за дверь и бросилась на поиски. Вслед за ней побежала и Нина, хлопнув с размаху дверью. В этот момент я, поняв, что веселье закончилось, начала выкарабкиваться из-под кресла, чтобы их остановить. Это оказалось труднее, чем туда втис-

нуться. Взволнованная, я второпях зацепилась за деревянную ножку и долго не могла сообразить, как выпутаться. В голове крутилось, что сестра будет искать меня и сама пропадет.

С такими мыслями я побежала вслед за Полей и Ниной, на которых налетела прямо у парадной. Сестра со слезами на глазах в красках рассказывала кому-то, как они меня оставили посреди дороги и потеряли. Недоумевающая подруга, стоя рядом, переминалась с ноги на ногу в ожидании, когда они наконец займутся чем-то поинтереснее этих поисков. От внезапного толчка ядром в виде младшей сестры Полина с визгом отскочила в сторону, и я очутилась перед сердито возвышающейся мамой. Она вернулась с работы раньше, потому что волновалась и соскучилась. Все трое посмотрели на меня, отчего захотелось провалиться сквозь землю. Казалось, что я виновна во всех горестях мира.

Решившись оправдаться, я выдала:

— Я под креслом пряталась, хотела их напугать. Они долго не шли. И вообще, Поляка забыла меня в школе!

Сестра раздумывать не стала. И начала меня обвинять в ответ, не прерываясь даже для того, чтобы высморкаться. Она прижимала к носу бумажный платок и продолжала называть меня «курьей башкой» и «бестолочью».

— Ну, ладно, пока, — пробубнила Нина и перебежала через дорогу к набережной, чтобы идти вдоль воды.

Мама выслушала обеих. И начала говорить только после того, как гул утих и мы хором уточнили:

— Ты сердишься?

— Нет, — прозвучал сухой ответ.

— Но выглядишь сердитой, — недоверчиво заметила я.

Поля виновато переспросила:

— Точно не злишься?

— Нет, — сказала мама. — Но я расстроена тем, что мои девочки так пренебрегли друг другом.

Она молча оглядела нас и направилась домой:

— Вы обедали?

Сестры переглянулись, не понимая, почему их не ругают. И ответили:

— Нет еще.

За столом все, кроме мамы и кошки Маркизы, чувствовали себя неловко. И мне, и сестре было совестно поднять глаза от тарелок. Обе корили себя и не знали, как исправить положение.

— Я не хотела, чтобы так вышло, — сказала я, взглянув исподлобья на Полину.

Она положила мне на плечо руку:

— Я тоже, чукча.

— Ты меня еще любишь? — уточнила я, почему-то ожидая самого страшного ответа.

— Что ты такое болтаешь, балда! — ответила с возмущением сестра, но руку с плеча убирать не стала и протянула крючком мизинец. — Мир?

Я радостно зацепилась за ее палец и, предусмотрительно вжав голову в плечи, потому что опасалась подзатыльника, прошептала:

— Сама балда.